

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза Советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Ставского, Е. Петрова,
В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

№ 28 (807)

20 мая 1939 г., суббота

Цена 30 коп.

ВЕЛИКАЯ СИЛА

7 мая в Каневе, у Тарасовой горы на митинге, посвященном 125-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко, писатели, участники Шевченковского пленума ССП, слушали замечательную речь украинского колхозника.

Он говорил о том, как воплотились в жизнь мечты великого Тараса, говорил об успехах своего колхоза, о росте культуры, о тяге народа к искусству и к знанию. Он упоминал в своей речи имена Пушкина и Горького. Он провозгласил здравицу народу родной Украины, величкою русскому народу и всем братским народам нашей необъятной Родины. Он передал горячее, народное, от сердаца идущее спасибо партии и мудрому, любому из батальонов Сталину».

И в конце своей речи он сказал проклятое так:

— Если враги-фашисты попробуют напасть на нашу свободную и счастливую советскую Родину, мы будем быть их всем народом, будем быть так, как были их недавно в Хасане, будем быть так, как некогда были врагов Александр Невский и Богдан Хмельницкий!

Так говорил пожилой украинский колхозник. И писатели Грузии, Армении, Белоруссии, Узбекистана, Таджикстана, Азербайджана и РСФСР, писатели Мордовии, Чувашии и дзержинской Якутии бурно аплодировали ему вместе с тысячами украинских хлеборобов, принесших в стадионской семье народов, «в семье великой, в семье вольной, новой» помянуть своего знаменитого земляка.

Речь украинского колхозника была проникнута подлинным высоким советским патриотизмом. Коротко и ясно он сумел сказать о том, каким большим и прекрасным содержанием наполнено для советского человека слово Родина.

Самое лучшее, самое честнейшее и блаженейшее из нашего прошлого — это наша Родина. Руставели и Пушкин, Шевченко и Гоголь, Чернышевский и Добролюбов, Чехов, Чавчавадзе, Налбандян — эти имена вместе с именами Ломоносова, Менделеева, Тимирязева и целой наядой других заключены для советских людей в слове Родина. Степан Разин и Устим Кармелюк, Чалаев и Шоре — это люди нашей Родины.

С гордостью и с полным правом могут сказать советские люди: Ленин — наша Родина!

Наша великая и непобедимая партия, наша могучая Красная Армия, наши герои, мастера-стахановцы, наша молодежь, наша чудесная детвора — это наша Родина.

И когда советские люди говорят:

— Наш Сталин! —

они чувствуют в этом имени живое воплощение Родины — ее германского прошлого, прекрасного настоящего и сверкающего будущего.

— За Родину! За Сталина! — воскликнули бойцы, или на смертный бой с японскими самураями у озера Хасан.

— За Родину! За Сталина! — говорят наши летчики, совершившие невиданные в мире героические перелеты.

— За Родину! За Сталина! — подымают края армии стахановцев, совершившей чудеса трудовой доблести.

Советский патриотизм, любовь к своей необъятной, цветущей, небывалой в мире Родине свободных людей, Родине коммунизма — это великая сила, преображающая лицо нашей страны, грозная сила, самая страшная для наших врагов.

Если защита Родины является почетной обязанностью каждого советского гражданина, то самой первой и самой почетной обязанностью писателя в нашей стране является развитие и воспитание в людях чувства любви к Родине, чувство советского патриотизма.

Мы должны углубить и расширить это чувство, должны сделать так, чтобы оно вошло в плоть и кровь советских людей, чтобы оно пропитало все думы и помыслы нашей молодежи. Советскому человеку есть за что любить свою Родину! Все народы Советского Союза имеют своих героев, своих великих людей, своих светочей, звездящих солнце и свободу. По всей нашей необъятной Родине рассыпаны тысячи исторических мест, связанных с громовыми событиями в истории человечества, овещанными мечтами наших генеалогов, окропленными кровью наших борцов и героев. Бесконечно разнообразна и прекрасна са-

В ТОЛСТОВСКОМ МУЗЕЕ

В Толстовском музее открыта выставка на тему «Толстой — художник-реалист».

Выставка ставит своей главной задачей глубокое, документальное освещение творческого пути великого писателя, отображенного на второй план биографические моменты.

Выставка показывает, как Толстой работал над крупнейшими своими произведениями, прослеживает историю их написания и связь их с реальными жизненными событиями и фактами.

По отношению к каждому из произведений Толстого применяется особый, наиболее характерный для данного случая, метод отбора литературных документов.

По отношению, например, к «Детству и юности», особенное внимание уделяено работе Толстого над планом этого произведения — приведены все первоначальные наброски плана. По отношению к «Казакам» наиболее разработана и документирована вступительная часть этой повести, которую Толстой начал было писать в стихах.

Показ работы Толстого над «Войной и миром» сконцентрирован преимущественно на описании Бородинского сражения. Не забыт ни один источник, которым пользовался Толстой при собирании материалов об этом сражении.

Из творческой истории «Анны Карениной» выделяется финал романа —

САМЕД ВУРГУН ВАГИФ

8-Я МАРТИНА

Брэпость Шуша, Пир у Калжара.
Придворные.

ПЕВЕЦ (поэт).

Нет с берегов Куры вестей,
прокован взгляи в дороге.
В тот чудный край насыпал меткой,
ему — газелей строчки.
Пелут розу соловей в рубиновые губы,
Цветет жасмин, смеется жехла лут
толстяночий.

В смятеньи грудь; я ухожу из скучной
кельи жизни.
Твори, Вагиф, твори, жизнь коротка,
свернется сроки.
И соколиное стихом уставает биться
сердце.

КАЛЖАР.
Кто создал песнь? Вагиф?

ШЕЙХ.

Вагиф — певец.

КАЛЖАР.
Немедленно Вагифа во дворец!

(к визирю.)
Визир, он одарен чумесной властью:
Его слова живут и пылают страстью.
Опасен нам его высокий дар,
Что думеш?

ВЕЗИР.

О, царственный Калжар!
Все в воле повелителя державы:

В себе соединил ты мощь и право.

ШЕЙХ.

О, шах!
Вагифа стих — гроза для нас.

Не отвоя на миг с Вагифа глаз.

Беззижин, он глумится над короной.
Святой ислам зовет пустым обманом,
Но крепко полюбил его народ.

И лучший друг его — Эльдар
проклятый.

Да, да, твой враг, разбойник,

сын разврата!

Коль же Вагиф — тебе покон нет —
Не обольщайся тем, что он поэт.

КАЛЖАР.

Его узнал я по его ответу.

Ностой. Его развею я по ветру.

Примет, пошутим мы — забыть —

с плеч —

Связать он не сумеет нашу речь.
(Шут входит, называя Вагифа.)

Что язьть, шут?

ШУТ (показывая на придворных).
Великий шах! Ведь надо

Сторожевого пса держать для стада.
(Смех.)

КАЛЖАР.

Скажи, меня ты сильно любишь, шут?

ШУТ.

В утробе был рабом и раб твой тут.

КАЛЖАР.

Пусть в плен меня захватит

враг суровый.

Пусть заточат в тюрьму меня

в оковах. —

Что сделаешь?

ШУТ.

Что склада? Аман!

■ жизни свою и голову отдаю.

Шут заточил тебя в тюрьму.

Перегрызет, как пес сваренный, глотки

Десяткам трех лохей!
(Калжар встает и показывает на свой

пояс.)

КАЛЖАР.

Еще плати,

Оди мой пояс стоит тридцать.

ШУТ.

Великий шах, я тоже знаю это.

Но ничего в тебе ценнее нету.

(Входит Вагиф; Калжар смотрит на него

с удивлением.)

КАЛЖАР.

И поклониться не желает он.

ШЕЙХ.

Нисколько дерзновенный не смущен.

(Вагиф.)

Поэт, ты перед царственным Калжаром!

ВАГИФ.

Я вижу сам — слова ты трясишь.

КАЛЖАР.

И головы склонить не хочешь?

ВАГИФ.

Да.

Высокий дух не гнется никота.

КАЛЖАР.

Когда в бою скрещаются мечи,

Ничтожный дух, смиряйся и молчи!

ВАГИФ.

Она есть правда — гордость человека,

Ей склон и колыбель — безмерность века.

КАЛЖАР.

А что ж тюрьма, где заключенный

слыши?

ВАГИФ.

Уклонят человек и мрачный склеп.

КАЛЖАР.

Поэт, ты в мыслях только с небом

связан?

ВАГИФ.

Гранд не знает со дна творенья разум.

КАЛЖАР (с ironией).

Нам мудрости твоей не побороть;

Тебя счастливым сотворят господь.

В тебе есть все, что должно быть

в поэте.

ВАГИФ.

Лишь кто творит, останется на свете.

КАЛЖАР.

Прекрасно, мой Вагиф, прекрасно.

Верь:

Тебя я всей купой люблю теперь.

Богатство, роскошь, пышные тортуги,

Златые звезды, серы луны двурогий

Тебе вручается отныне, во

Условье есть...

За пять дней

ДЕКАДА КИРГИЗСКОГО ИСКУССТВА

ПИСАТЕЛИ ВСТУПАЮТ

В ПАРТИЮ

ФРУНЗЕ. (Наш корр.) Партийная орга-
низация ССР Киргизии недавно приняла в
канун Дня Киргизии поэта Беки-

ПОЭТЫ АМЕРИКИ

А. МАК-ЛИШ

Из поэмы «Страна свободных»

...До сих пор задумываться нам на случалось:
Всегда было куда податься человеку.
Всегда перед нами простирались леса —
Голубой ясень в чащах Грайт Смоуки:
Ореховые рощи над глинистыми
 заводами Охайо:
Усадебные дубы по всему Индиану:
Арканзасские кипарисы, уdobные для
 линчевания:
Виргинские тополя вдоль канав: дикая
 слива:
Сосны по холмам на горизонте
 И всегда трава перед нами, необозрима:
 Все та же: от отца к сыну:
 Трава прерий, сеянья трава...
 Степной чебрец... мятлик... трилистник...
 Позиции аз низин, обильных дождями,
 К мошним хребтам, с покоя и солнцу.
 И выше по расщелинам и террасам —
 Пырей до луки в степных луговинах:
 До стремян зурбоник на плоскогорьях:
 До бабки трилистника на выжженых
 склонах:
 И лопух — спутник людей, вызывающий
 воспоминания...
 Теперь, когда земля поздзи, начинаем
 мы сомневаться.
 Теперь, когда поздзи нет больше лесов
 Массачусетса:
 Теперь, когда поздзи леса Минчигана —
 Поздзи ежевика на вырубках: кучами
 хворост:
 Поздзи мертвые пни в сухих песках:
 Миллионы акров пней нам на память —
 На память о ветре, гудящем в верхушках:
 На память о лесной гишине Висконсина:
 На память о памятных елях Великих
 Озер.

Теперь лесистые реки у нас поздзи —
 И реки прерий, богатые пузанком и
 болотную дичью:
 С переливчатой рябью в лучах из-за
 тучи:
 Горные ключи с желтоватой серной
 водой:
 Теперь реки у нас поздзи: в захламленных
 берегах
 С дохлою рыбой в ильстых лужах:
 Пересохшие и зловонные: покрыты
 радужной пленкой:

Печатаем с соблюдением пунктуации
 оригинала.

Все в заводах сточной воды: в затонах
 гниющего леса
 Теперь и трава поздзи нас: выгон без
 краю,
 Зеленеющий в весенние заморозки:
 Желтый к середине лета: спекшийся
 к осени:
 Бурый: дубленый как кожа: весь в ряби,
 словно вода:
 Встающей стеной к горизонту: огромный
 как континент:
 Пустыня и просторное небо над нею
 Пастбище солнца...
 Теперь и трава поздзи нас: борозды
 и межи:
 Искусшие беснежные зимы и пыль:
 Водоемы полные, но не водой:
 Непролазные чащи репейника,
 чеготопоха и волчеца.
 Теперь, когда земля поздзи нас, мы
 сомневаемся,
 не земля ли казалась
 свободой:
 И теперь, когда земля за спину, не
 поздзи ли и свобода:
 ...У нас под ногой, ульявшая из рук, земля
 поддается:
 Континент, богаче которого нет:
 обильный землею:
 С рукояткой уходит заступ в подзол на
 месте лесов:
 До рукоятки в чернозем на месте, где
 были прерии:
 Новый континент: новый даже сейчас:
 Целые округа слежавшихся в камень
 земли:
 Каждый двадцатый участок высоких,
 словно треска:
 Два фермера на пять землеробов: а
 остальные
 Мотыжат на выплаты три борозды:
 А для себя мотыжат четвертью до
 полсметри:

Целинные земли по Миссисипи —
 «Самое обширное обиталище человека

В целом свете» —
 власиек, где были хлеба:

Акры за акрами —
 власиек, где были хлеба.

А мы им не говорим: даже с наших

порогов:

Даже с наших крылечек, которые

сползают канавам

Перевел И. КАШКИН.

МАЛЬКОЛМ КАУЛИ

Завтра утром

Бродя в полях росистым завтра утром,
 Иль заглавия голосистой песней
 Свист черного дрозда, иль замышляя
 Взлет новых достижений, вы тогда
 Нас вспомните. Творцы грядущих утр,
 С могучими и чуткими руками,
 Нас вспомните, — наш прах давно забыт,
 И нет в учебниках о нас ни слова,
 Могилы наши без камней и плит.

Нас вспомните, как спорили мы ночью
 В закрытой тесной комнате, шепчастье,
 Чтоб рядом не подслушали шпионы,
 Не выдали предатели. И в споре
 Мы скорились, друг друга ненавидя,
 Как будто бы враги, и без конца
 Курили, и серели подбородки
 Небритые. Внезапно свет погас,
 И пулевые застрочили четко.

Нас вспомните, как пробирались мы
 В рассветных сумерках пустынных улиц,
 Где слушали одни ночные тени
 Ложь громкоговорителей, и с неба
 Аэропланы сеяли смятение.

И труп на палерти, ему в лицо
 Навел я электрический фонари.
 Один из наших. Я его узнал.
 И как исчадья тьмы в ночном кошмаре,

Враги охватывали нас кольцом.
 Поднять союзы, известить скорее
 Центральный Комитет! Но провода
 Оборваны, все двери на запоре.
 Все улицы замкнулись навсегда.
 И поздно звать на помощь и цепляться
 За жизнь свою, и нам наперерез
 Чрез пустыни темнеющего плаща
 От бойни долетел ружейный треск.

Творцы грядущего и рекордсмены,
 Пловцы воздушные и волны морских,
 Наездники, нас вспомните, погибших
 В Бадахосе, как на арене цирка,
 В Кантоне, в свалках тупиков глухих.
 Мы пали от предательства, но нас
 Поток бурливый гневного столетия
 В сиющее наше утро нес,

Вы — вскормленные нашей кровью дети!

Перевел Мих. ЗЕНКЕВИЧ

ЖЕНЕВЬЕВА ТЭГГАРД

СССР

По Амазонке, Ганг — всюду вести
 Плынут под всеми флагами судов.
 Куль и грузчики, собравшись вместе,
 Тайком расспрашивают моряков.
 От очевидцев в гавань, в города
 Идет молва о том, что есть на свете
 Страна, покинувшая навсегда
 Тень смерти на страдающей планете.
 Об этом говорят ее герои
 И сообщения все, и правду ту

Стихи поэта В. Линди взяты из вскоре выходящей антологии «Поэты Америки». Стихи М. Каули, Ж. Тэггард и А. Мак-Лиша — из материалов № 5—6 «Интернациональной литературы».

Не заглушить, не замолчать, настроя
 Приняты на другую частоту.
 Просачиваясь вглубь пластов народных,
 Она растет, и ложью самой злой
 Ни от рабочих ни от безработных
 Не скроют смысла истины простой.
 Взгляды — на глобусе одна шестая,
 И цвета красного цветом всех стран
 Не вытравить, — хотят, вооружая,
 Союзы сплачивают их обман.

Сейчас, когда средь грохота и гула
 Снаряды рвутся в городах, сейчас
 Весь свет ярким серебром сверкнул,
 Как сети рек, обединяя нас.

Перевел Мих. ЗЕНКЕВИЧ.

ИВАН КАШКИН

В ПОИСКАХ РОДИНЫ

Для среднего американца понятие родины долгое время наименее включали одинаково и родину сытых и родину голодных, страну господ и страну рабов, страну черных полударов Южных Штатов и горских рабов белого воротничка. «Славься, Колумбия», «Страна моя, липь о тебе пою, прекрасная страна свободы!» «Страна свободных и родина храбрых» — все эти строки из популярных песен были вычеканены на одной стороне медали, а на оборотной стороне стояли тяжчайшие обвинения против олигархии богачей.

В начале XX века американская плютократия направляла пробуждающееся национальное самосознание на пути колониальной экспансии американского империализма, и у ряда американских интеллигентов и писателей наиметлось стремление либо вовсе отойти от родины, либо понимать ее крайне сурово, как географическое понятие.

Литературная газета № 28

Многие писатели, отходя от народа и даже вообще от людей, переносили свою любовь на самую землю Америки. Таков крупный и вдумчивый поэт-отшельник Робинсон Джейфферс. Он любил родину через ощущение природы и мира: «Это земля моя», «Голос моря умирает», и я лухал: «Неважно, — что ни случилось с людьми... мир все же прекрасен».

Это отношение не приносит успокоенности, не снимает трагизма. Мир прекращен, но что сделали с ним люди.

В то время как Америка стынет в изложнице пошлисти, тяжко сгущаясь в империю... Я вспоминаю с грустной улыбкой, что цвет вицет в плох, плох сгнивает в землю...

...Тороплива, торопится к гибели; сий, гибнущая республика.

(Перевод М. А. Зенкевича.)

«Пусть города у ног чудовища, — говорит Джейфферс, — горы еще свободны». Так происходит один вид беспечности во внутреннее изгнание «от капиталистической городской цивилизации современной Америки в стихиях первобытной природы», в уединение своими руками построенным домом Кармела.

Другие поэты бежали от родины в интернациональную боягу, в пораженчество и нацизм, в бунтарство ради бунтарства, в отрицание. Размер газетной заметки не позволяет здесь заслонить эту линию в историческом разрезе. К этому стоит вернуться в несколько иной связи, в горы, опуская ряд промежуточных эпизодов, остановившись на примере, который

показывает, как лучшие писатели Америки не переставали любить свою родину и уходя от нее. Но они любили именно свою «воображаемую родину» мечтательной и горькой любовью. Они называли огромное несоответствие между мечтой о родине, какой они хотели бы ее видеть, и тем, какой ее сделала буржуазная плютократия, сделали те, кому она доверила, кому вверила свою судьбу, кто обманом и насилием во зло использовал это доверие. Такие поэты, и уходя в добровольное изгнание, помнили, как помнит М. Каули, что «Детство мое — это Ферма в Висконсине, это Биг Ривер в северном Мичигане, это голубая река Дакуннатса». И уходя, они уносили с собой «Горсть земли».

В последовавшие годы (1920—21) они уходили из «жирной Америки» в Европу искать родину в изгнании, но и в Европе они встречали только блестательную культуру прошлого мелкую торгашескую цивилизацию сегодняшнего дня. Они уходили, они клеймили тех, кто забывал родину в погоне за длинным, дорогим долларом:

«Следуя за долларом, да, следуя за долларом, я научился трем способам

есть при помощи ножа и заказывать пи-

тингу, следуя за долларом на восток по 48-й параллели северной широты, — где курс доллара выше, там и родина».

Некоторые из поэтов уже давно, в годы «пропаганды», обрели для себя новое понимание родины, образ новой грядущей Америки, через соприкосновение с новым миром.

ВЭЧЕЛ ЛИНДЗИ

Стихи про луну

ЧТО СКАЗАЛ КОЧЕГАР

Луна — это дверца топки,
 Разинувшая свою пасть.
 Мы шурхаем в ее глотке
 Черный уголь бед и напастей.

Полной лопатой швыляем: страх,
 Надежжу, страданье, любовь,
 А растопку туда подкинет враг:
 Борьбу, ненависть, кровь.

И разгорится ревущий огонь
 И дохнёт, лицо опалия,
 И забудешь горе, смотря в огонь,
 И смерть не страшна такая.

ЧТО СКАЗАЛА ГОРДОСКАЯ КЛЯЧА

Луна — это полная торба
 Рассыпчатого овса.
 Хоть бы нынче на стертый загорбок
 Ее кто-нибудь мне подвязил.

Вместо жмыха — хоть бы соломки,
 Хоть денек бы мне отдохнуть:
 Надо сбросить, порвать постремки
 И обидчика в грудь лягнуть.

Из стойла на волю и вверх по холму,
 Туда, где торба подвешена.
 Ведь уж много лет никак не пойму,
 Кто и как туда ее вешает.

ЧТО СКАЗАЛА БАБУШКА-МЫШЬ

Луна — всех сов царица,
 И под ее крылом
 Сонный род тянет
 В кувшине голубом.

Их берегись, кто гадок,
 Весь совы поедят.
 И озорных мышаток
 И наглых мышат.

И каждый вечер, детки,
 Себе промыслив ужин,
 Ей на приметной ветке
 Кусок повесить нужно.

И не пишите, мыши,

И не бегите вы в кусты,

Тогда луна помилует

И сов на вас не выпустит.

ЧТО СКАЗАЛО ПУГАЛО

Темночелные духи ночи
 Страшатся меня и слушают мне,
 Укрываясь в кустах сада,
 Где стояю я один во тьме.

Лишь махин я слугам рукою,
 И они, покинув кусты,
 Несут покрывало тумана и снегов,
 Сок куриной слепоты.

Они вырыли клад и назвали луной,

Положили в звездный ларь,

И каждый вечер люблюсь я им,

Потому что я — царь.

Перевел И. КАШКИН.

Д. ШЕНГЕЛАЯ Живительный источник

Наш вождь товарищ Сталин сказал: «Я думаю, что большевики напоминают нам героя греческой мифологии, Антей. Они, так же, как и Антей, сильны тем, что держат связь со своей матерью, с масками, которые породили, вскоры и воспитали их. И пока они держат связь со своей матерью, с народом, они имеют все шансы на то, чтобы оставаться непобедимыми».

Мы советские писатели, должны быть по-большевистски тесно связаны со своим народом, который породил, вскоры и воспитал нас. Прекрасные идеи партии Ленина — Сталина, крепко связанные с ее героями прошлым, советские писатели должны черпать свои силы в непрерывном, живом общении с народом. Вне этого жизни и рост советского писательства немыслимы.

Мы имеем сейчас к вершинам коммунизма, партии Ленина — Сталина, которая ведет нас неустанным вперед, имеет прекрасную историю. «Краткий курс истории ВКП(б)» — это живой родник, неисчерпаемый источник знаний, путеводный маяк для мыслей и писателей.

За последние годы я написал роман «Отрочество». После изучения «Краткого курса истории ВКП(б)» и особых материалов тбилисского филиала Института Маркса — Энгельса — Ленина этот роман предстал перед мной в совсем ином свете, я приступил к его переработке. Читая историю партии, я окидываю взглядом

«МОЯ ЗЕМЛЯ»

Советский человек заново открыл Север. Человек этот шел туда неожиданными тропами и нашел там новые земли, воззвав и построив морские порты, города и деревни. Советский человек забрался на «макушку» земли и на ледяной глыбе проплыл по Северному Ледовитому океану. Советский человек построил замечательный самолет и перелетел на нем через Северный полюс из Старого в Новый свет. Этот человек — многогодник. Он мореплаватель, ученик, пилот, плотник, корабльный строитель, водолаз, золотоскальщик, пограничник, но им же у него одно — герой нашего времени.

Потомки наши будут благодарны этому человеку. Они будут изучать его подвиги, они будут искать его портреты в картинах галереях, они обложат себя книгами современных ему человеку писателей, чтобы узнать его характер, поставить тайны творения этого человека, моральные его качества.

О Севере книг много. Наряду с учеными, мореплавателями и пилотами, в новых географических открытиях и в оживании далеких уголков Севера принимали активное участие литераторы, художники и журналисты.

Так создавался эпос. Он возник из бесхитростных дневников радиостанций, капитанов, пилотов, учеников. Простые документы — радиограммы, дневники — оказались во многом сильнее «художественного» вымысла.

Принес время, когда явились настоящий художник, свободный от традиций «героического» писательства, и создал образ настоящего человека Севера.

Книга ленинградского писателя Ивана Кратта «Моя земля» приближается к типу труда произведения.

Иван Кратт в литературе имел новое, но тем не менее его первая книга уже привлекла внимание читателя. Иван Кратт привел на Севере один из гор. Он прожил этот год среди орочей Колымского края.

Он вышел оттуда не только реалистические этюды природы Севера, но и самое важное, что позволяет считать его советским художником — большую любовь к людям и самой природе этого замечательного края.

Возвращаясь из Колымы, Кратт написал книгу рассказов.

Читая книгу, ощущаешь, что писал ее художник по призванию. Тайга, тундра, занесенные снегом, морские просторы — все это для Кратта существует не отдельно, а слито с жизнью коренных жителей Колымы — орочей и золотоскальщиков, инженеров, геологов, мореплавателей, пограничников и советских работников.

Герой Кратта находится в стремительном движении, в борьбе за лучшую жизнь. Он преодолевает огромные расстояния, роют мерзлую землю, отыскивая золото, гонят плоты через временные стремнины рек, тащат через лед лодки, чтобы попасть предрасудкам открыть новые рыбныеtoni.

Кратт — наблюдательный человек, глаз его — глаз художника. Он видит далеко и умеет выбирать типичное. Снег, бескрайние просторы тундры, скрежет льдов в океане подчеркивают характер его героя — людей сильных, отважных и волевых.

И люди эти ярко нарисованы Краттом. У всех в них единая цель: сделать жизнь такой, как в тех больших и светлых городах, о которых они знают от друзей — русских — летчиков, пограничников, ученых, геологов, инженеров, — работающих на Севере.

Герой рассказывает «Каю», ороч Мульта, доставляющий материалы переписи, проявляет большое мужество для того, чтобы записать в отдаленном стойбище новорожденного.

Иван Кратт, «Моя земля». Колымские рассказы, «Советский писатель». 1938 г.

Кратт писал свою книгу с уважением к этим законам, и книга получилась хорошей.

Н. СЕРЕБРОВ (А. ТИХОНОВ)

Отрывки из воспоминаний о Льве Толстом

Жаль пришлося оскорбительно долго. От голода и после мороза в тепле клонило ко сну. Я успел уже спокойно задремать, как вдруг почувствовал, еще не открылась глаза, что на меня кто-то пристально смотрит.

У порога, в раме дверей, стоял неизвестно откуда явившийся небольшого роста, лобастый старик с большими ушами и лохматой седой бородой. Черная блузка с ременным поясом и разношерстные варенки его похожи на деревенского плотника. Его лицо выражало стремительность и жадное любопытство, точно он откуда-то стремглав прибежал, чтобы поборолось с ним.

И я, конечно, как и полагается, хватил его светлые, глядевшие исподлобья, глаза. Они хватали каждого из нас, как будто даже приподняли с места на воздух, чтобы определить, сколько мы весим.

Взвесив одного, они сейчас же хватились за следующего. И по мере того, как происходило это странное взвешивание, лицо было его светлые, глядевшие исподлобья, глаза. Они хватали каждого из нас,

как будто даже приподняли с места на воздух, чтобы определить, сколько мы весим.

Едва кивнув нам головой, старик быстро прошел на середину комнаты, к круглому столику, покрытому вязаной с дырочками скатертью, и остановился там, склонив голову.

Он долго говорил о необходимости самоусовершенствования, воспитания народа в духе истинного христианства, и том, в чем состоит это истинное христианство. Тон его речи постоянно менялся: из высокомерного и поучительного он делается взыскательным и скучным, точно говорившему самому уже надоели слушать то, что он говорит.

Ах, как это хорошо! Как это прекрасно сказано! — воскликнул он, размахивая по-детски кулаком крупные слезы.

— И, главное, как раз для меня. Человек, стоящий на цыпочках, не может долго стоять. Как это метко! Я каждый день читал эту книгу и всегда находил что-нибудь для себя полезное. Очень вам рекомендую! Очень!.. А на земле надо стоять — вот!

Он широко расставил валишки. И, все еще смеясь, стегка присел, как бы готовясь прыгнуть. Потом сгреб нас всех троих в кучу и стал подталкивать в синий, весело привороженный.

— Пойдемте обедать! После поговорим! Погодите, прогодите с дорогой!

В дверях, галантно пронеская нас вперед, он смешно оттопырил усы и сделал мне гримасу.

— У-у, какой сердитый! Обиделся на старика?

Неужели, в дороге... нечаянно... — пребормотал я, сторя от стыда.

Старик, даже не взглянув на адрес, сердито бросил его на стол и, уже не скрывая раздражения, спросил резким, неприятным голосом:

— Извините, в дороге... нечаянно... —

Пребормотал я, как тощичка, недовольно толкну слова — «бураки».

Я вспылил и уж готов был ответить

— на мое счастье, мой спутник.

Б. ЯКОВЛЕВ

ПОРОЧНЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Герой рассказа «Двадцатая брошюра» Кутупов преодолевает немовместные трудности, чтобы доставить брошюры с текстом Конституции.

Орочская девушка Ильча («Моя земля») с риском для жизни помогает пограничникам изловить диверсанта. И когда, в неравной схватке, пограничники выходят победителями, когда охранный катер со спасенной Ильчей на борту, веля на баках иностранную птичу, приближается к берегу, девушка радостно вздыхает и говорит:

— Мой берег!.. Моя земля!

И эти слова звучат естественно, в них нет фальши.

В рассказе «Золотоскальщики» — два действующих лица: геодез Панков и ороч проводник Каврат. Сможет рассказать прост.

У озера Джене Лондон партизаны засели остались без продовольствия. Оно спорло вместе с лабазом во время страшного пожара. Нужно доставить туда продовольствия. Единственный путь к озеру — порожистая река. Итти по ней не отваживаются даже местные жители. Панков скользивает плот. Путя его — это путь злых испытаний человеческой боли. Когда геодез дошел до места, силы покинули его, он не смог даже вскрикнуть и упал всей тяжестью своего тела на палатку. Была ночь. От падения Панкова заставлялась палатка, люди проснулись, и услышали сказанный шепотом два слова: «Каврат... Плот...»

В этом рассказе много человеческих страданий, много страшного, но все это не вызывает отвращения, ибо автор писал эти картины не из желания вызвать ужас и страх у читателя. Напротив, читая этот рассказ, восхищаешься мужеством советского человека, его благородством и гуманностью. А это в конце концов самое главное.

И в других рассказах — «Каю», «Рыбаки», «Пастухи» и «Деревянный бого» — Кратт показывает сильных людей. Конечно, на Севере есть и слабые люди, мерзостные и в своей мелочности, но они не типичны. И писатель правильно сделал, что оставил их стороне.

Советский человек на Севере — это преимущественно тип с концентрированной волей, находчивостью, смелостью, искательским чувством товарищества.

Правда, часто то, что мы называем подвигами, для самих людей Севера — явление обычное. Скажем, проплыть ночь в тишине и слышать ее издали, проплыть в ледяной воде и обсушиться у костра, проплыть двое суток без пищи вдали от жилья — им кажется делом обыкновенным, потому что они сильные люди.

В книге много интересных деталей. В рассказе «Деревянный бого» Кратт показывает сильных людей. Конечно, на Севере есть и слабые люди, мерзостные и в своей мелочности, но они не типичны. И писатель правильно сделал, что оставил их стороне.

Советский человек на Севере — это преимущественно тип с концентрированной волей, находчивостью, смелостью, искательским чувством товарищества.

Правда, часто то, что мы называем подвигами, для самих людей Севера — явление обычное. Скажем, проплыть ночь в тишине и слышать ее издали, проплыть в ледяной воде и обсушиться у костра, проплыть двое суток без пищи вдали от жилья — им кажется делом обыкновенным, потому что они сильные люди.

В книге много интересных деталей. В рассказе «Деревянный бого» Кратт показывает сильных людей. Конечно, на Севере есть и слабые люди, мерзостные и в своей мелочности, но они не типичны. И писатель правильно сделал, что оставил их стороне.

Советский человек на Севере — это преимущественно тип с концентрированной волей, находчивостью, смелостью, искательским чувством товарищества.

Правда, часто то, что мы называем подвигами, для самих людей Севера — явление обычное. Скажем, проплыть ночь в тишине и слышать ее издали, проплыть в ледяной воде и обсушиться у костра, проплыть двое суток без пищи вдали от жилья — им кажется делом обыкновенным, потому что они сильные люди.

В рассказе «Моя земля» старая орочка Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака. Старая орочка Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью, она увидела бывшего героя Каврака.

Ильча расплакалась оттого, что в ногах, сгруппированных передней частью

Летопись жизни Маяковского

Прошло лишь девять лет со дня смерти Маяковского, а имя его становится уже легендой. Американский поэт и переводчик Александр Шнейдер пишет в «Интернациональной литературе»:

«Рассказывают, что в эпоху гражданской войны он часто выезжал на фронт и в окопах читал свои стихи. Полки, вдохновленные его строками, неудержимо бросались в бой. Он делал подпись к плакатам, буквы вышины в фут. Его плакаты гражданской войны были смелыми для врага, как птицы, а его поэтические стихи были по силе действия равноценны бригадам учителей или целым грузовикам медикаментов для инвалидации неграмотности или эпидемии. Громкий, как аэропланы мотор, голосом он по радио читал свои стихи и советский народ подхватывал их. За его стихами редакторы крупнейших газет гонялись, как за сенсациями, а читатели следили за ними с таким же интересом, как за ежедневными карикатурами, и с такой же серьезностью, как за передовой. Таковы легенды о Маяковском в Америке».

Да и в одной ли Америке?

Книги его являются биографической редкостью. А ведь они были миллионы тиражами. Его разнотипные, блестательные остроты незаписанными путешествуют по стране. С каким напряженным вниманием слушают воспоминания людей, с которыми он когда-либо беседовал, работал, встречался. На ветерах, посыпанных его пылью, обычно спрашивают:

— Вы знали его лично?.. И если знали, то... какой вы считали?

Время торопит писать о нем романы, поэмы, мемуары, исследовании.

Краткая летопись жизни и работы Маяковского, составленная В. Катановым и изданная сейчас «Советским писателем» — всего лишь путеводитель по дорогам памяти, сердцу датам, местам, темам. Это первая попытка собрать в систематизированном виде обрывочные сведения о поэте, проложить дорогу его биографии. Многое здесь осталось нераскрытым. Неудивительно отметить даже пять лет, когда были написаны и напечатаны его произведения. Известно, что за последние четыре года Маяковский обвязал пятьдесят четыре города и прорвал около двухсот выступлений. Но в брошюре 72 страницы. Размеры ее позволяли только набросать предварительную хронологическую схему.

Две даты:

1883 год 7 (19) июля. Владимир Маяковский родился в селе Балдахи, бывшем Кутаисской губернии, в семье лесничего Владимира Константиновича Маяковского, и

1930 год, 14 апреля. Смерть Маяковского.

Между ними заключена его жизнь. Мы проходим по ее вехам, по ее берегам. Мы подымаемся от подножья к ее вершине, и нам становятся ясны, понятны происхождение этого поэтического хребта, и его рельеф, и характер горных пород.

Маяковский уходит Горький. Он пропал, был ему дружеской рукой. В апреле 1915 года появилась статья «О футуре». Горький писал:

«Среди них (футуристов) есть несомненно талантливые люди, которые в будущем вырастут в определенную величину»...

Вот взывает для примера Маяковского — он молод, ему всего 20 лет, он кричит, необуздан, но у него несомненно есть дарование. Ему надо работать, надо учиться и он будет писать хорошие, настоящие стихи».

Тулая и корыстная буржуазия традала Маяковского столбами своих прокладных газет, давила грязными коньками пыль, расправлялась с политическим участком. А он, «огромный и нежный»,шел сквозь ощущавшийся строй, сквозь оголтелое узлышие господ, как пророк и как вони. В руках у него было мяч, кованый из самого чистого и стойкого сплава металла.

Алексей Максимович привлек его к «Летописи». При содействии Горького в издательстве «Парус» вышла книга Маяковского «Просто, как мыльницы». В газете, которую редактировал Горький, в мае 1917 года появились стихи Маяковского «Революция» и «Сказка о красной шальке».

24 сентября 1917 года, почти за полтора месяца до победы Великой Октябрьской социалистической революции, Маяковский выступил в Москве, в Политехническом музее с лекцией «Большевики искусства». Гром революционной грозы грянул. Для Маяковского не существовало вопроса: принимать ее или не принимать? «Моя революция. Понес в Смольный. Работал. Все, что приходилось».

Приходилось многое. В 1918 году он участвует в качестве киноактера в фильмах, снятых по его же сценариям: «Борьба и хулиган». «Не для денег родил», — пишет «Мистерия Буфф», работает в отделе изобразительных искусств Наркомпроса, выступает на митингах, читает скандалом, сочиненными им «Левый марши», декламирует основы молодого социалистического искусства. Эти основы продолжали наиболее прогрессивную демократическую традицию русской литературы, утвержденную эстетикой Чернышевского, Поблобрюкова, поэзии Некрасова. Поэтическая деятельность в эпоху социалистической революции должна отвечать активным задачам партии, по коммунизму.

«Святое искусство нет! Новое создаст только пролетариат, и только у нас община с пролетариатом дорога». «Искусство должно быть, сосредоточено не в мертвых храмах-музеях, а по всему — на улицах, в гравиях, на фабриках, в мастерских в рабочих кварталах».

«Да здравствует социализм» — под этим мозунгом строит новую жизнь политика.

«Да здравствует социализм» — этим возышется именем под дулом красноармейца.

«Днес, небывалый сбылся первый социалистический всплеск великой ереси», говорит поэт.

«Если в дело было в идеи, чувства — всех троих пришло было называть поэтами. Идея одна. Чувство одно. Разница только в способе выражения».

И он неустанно искал их — эти никому не известные, не открытые еще способы выражения новой, счастливой были. Он думал о них, работая над «Окнами сатиры», РОСТА и над летучим стихотворным дождем, над поэтическими эпопеями и дорожными очерками.

— Познаи!

— искла в незнанье.

Позже Маяковский так определил особенность им еще в юности задачу: «Я не дам никаких правил для того, чтобы члены стали поэтами, чтобы он писал стихи. Таких правил вообще нет. Поэтому называется человек, который именно и создает эти самые поэтические правила... Согласно правил — это не есть сама по себе цель поэзии, иначе поэт выродится в сколаста, упражняющегося в составлении

правил для несуществующих или не нужных вещей и положений... Положения, требующие формулирования, требующие классификации, путь правил определяются классом, требованиями нашей борьбы».

Здесь есть над чем подумать деятелям нашего искусства, новаторским по всем своим стихам, неудержимо бросавшимися в бой. Он делал подпись к плакатам, буквами вышины в фут. Его плакаты гражданской войны были смелыми для врага, как птицы, а его поэтические стихи были по силе действия равноценны бригадам учителей или целым грузовикам медикаментов для инвалидации неграмотности или эпидемии. Громкий, как аэропланы мотор, голосом он по радио читал свои стихи и советский народ подхватывал их. За его стихами редакторы крупицами газет гонялись, как за сенсациями, а читатели следили за ними с таким же интересом, как за ежедневными карикатурами, и с такой же серьезностью, как за передовой. Таковы легенды о Маяковском в Америке».

Да и в одной ли Америке?

Книги его являются биографической редкостью. А ведь они были миллионы тиражами. Его разнотипные, блестательные остроты незаписанными путешествуют по стране. С каким напряженным вниманием слушают воспоминания людей, с которыми он когда-либо беседовал, работал, встречался. На ветерах, посыпанных его пылью, обычно спрашивают:

— Вы знали его лично?.. И если знали, то... какой вы считали?

Время торопит писать о нем романы, поэмы, мемуары, исследования.

Краткая летопись жизни и работы Маяковского, составленная В. Катановым и изданная сейчас «Советским писателем» — всего лишь путеводитель по дорогам памяти, сердцу датам, местам, темам. Это первая попытка собрать в систематизированном виде обрывочные сведения о поэте, проложить дорогу его биографии. Многое здесь осталось нераскрытым. Неудивительно отметить даже пять лет, когда были написаны и напечатаны его произведения. Известно, что за последние четыре года Маяковский обвязал пятьдесят четыре города и прорвал около двухсот выступлений. Но в брошюре 72 страницы. Размеры ее позволяли только набросать предварительную хронологическую схему.

И вот в августе 1921 года в газете «Антиточка» помещена статья Маяковского «Умер Александр Блок».

«Ставший мастер-символом Блок оставил огромное влияние на всю современную поэзию. Некоторые из сих поэм не могут выразиться из его обвороживающих строк...» Другие преодолели его романтику первого периода, «выбрали» из него «струны любви и симпатии», прорвались к фундаментам новых ритмов, громоздят камни новых образов, скрепляют строки новыми рифмами — складут героический труд, создающий поэзию будущего».

Этим «трудом» является всякий большой художник. Он идет по не проторенной историей дороге.

...но скажите,

вы,

калечи и калечки,

где,

когда,

какой великий выбирал

путь,

чтобы протоптанней

легче?

Пoэт избрал трудный, но единственный

верный для себя путь. Его отзыв о Блоке обясняет многое.

Маяковский принадлежит к ряду тех

корифеев, которые, как говорил товарищ Стальский, имеют смелость и решимость «ломать старые традиции, нормы, установки, когда они становятся устаревшими, когда они превращаются в тормоз для движения вперед» и которые умеют «создавать новый мир».

Так он писал о Хлебникове, имеющем

сочетание читателей, из которых пятьдесят

считали его просто громадиной.

Что против великого Пушкинина воевал

Маяковский, призываю «атаковать генерала

и погибнуть»?

Он восставал против хрематизма

и навязывал новоделам

старые традиции, нормы, установки,

когда они становятся устаревшими, когда

они превращаются в тормоз для движения вперед» и которые умеют «создавать новый мир».

Так он писал о Хлебникове, имеющем

сочетание читателей, из которых пятьдесят

считали его просто громадиной.

Что против великого Пушкинина воевал

Маяковский, призываю «атаковать генерала

и погибнуть»?

Он восставал против хрематизма

и навязывал новоделам

старые традиции, нормы, установки,

когда они становятся устаревшими, когда

они превращаются в тормоз для движения вперед» и которые умеют «создавать новый мир».

Так он писал о Хлебникове, имеющем

сочетание читателей, из которых пятьдесят

считали его просто громадиной.

Что против великого Пушкинина воевал

Маяковский, призываю «атаковать генерала

и погибнуть»?

Он восставал против хрематизма

и навязывал новоделам

старые традиции, нормы, установки,

когда они становятся устаревшими, когда

они превращаются в тормоз для движения вперед» и которые умеют «создавать новый мир».

Так он писал о Хлебникове, имеющем

сочетание читателей, из которых пятьдесят

считали его просто громадиной.

Что против великого Пушкинина воевал

Маяковский, призываю «атаковать генерала

и погибнуть»?

Он восставал против хрематизма

и навязывал новоделам

старые традиции, нормы, установки,

когда они становятся устаревшими, когда

они превращаются в тормоз для движения вперед» и которые умеют «создавать новый мир».

Так он писал о Хлебникове, имеющем

сочетание читателей, из которых пятьдесят

считали его просто громадиной.

Что против великого Пушкинина воевал

Маяковский, призываю «атаковать генерала

и погибнуть»?

Он восставал против хрематизма

и навязывал новоделам

старые традиции, нормы, установки,

когда они становятся устаревшими, когда

они превращаются в тормоз для движения вперед» и которые умеют «создавать новый мир».

Так он писал о Хлебникове, имеющем

сочетание читателей, из которых пятьдесят

считали его просто громадиной.

Что против великого Пушкинина воевал

Маяковский, призываю «атаковать генерала

На последнем поэтическом декаднике поэт Д. Кедрина прочитал спланированный им перевод большой поэмы-сказки Петефи «Януш Куккуруза». Поэма эта впервые переведется на русский язык; до сих пор у нас существовали лишь немногие переводы отдельных маленьких стихотворений Петефи, которые не могли дать истинного представления о поэте, так как делались большей частью не с подлинника, а с немецким издания.

Выступивший на декаднике венгерский писатель Эмиль Мадара охарактеризовал Петефи, как создателя венгерской народной литературы и борца с антифашистским австро-немецкими влияниями.

Все знакомые с поэмой в подлиннике и по поэтическому переводу — Э. Малас, О. Румер, В. Бугаевская — засвидетельствовали, что перевод Д. Кедрины соответствует подлиннику и правдально передает дух произведения.

Удачу Д. Кедрины признали и другие участники обсуждения — Вернер Ингер, Ю. Верховский, А. Олсландер, М. Тарловский. Однако все высказавшиеся, приводя многочисленные примеры неудачной гибели, языковой небрежности, неправильных ударений и т. д., указали также, что труд переводчика еще далек от своего завершения.

Гостем декадника был прибывший из Москвы народный актёр Казахстана орденоносец Иса Байзаков.

Иса Байзаков под аккомпанемент домового оркестра исполнил песню «Жылжерме», выступив к написанной им поэме о Марине Расковой и ее славных подругах и импровизацию о Москве.

Участники декадника сердечно приветствовали Ису Байзакова.

С. И.

КРУЖОК МОЛОДЫХ ПОЭТОВ

Кружок молодых и начинающих поэтов при издательстве «Советский писатель» подвел первые итоги своей работы. Вышел первый номер журнала «На страже», выпускаемого кружком на правах редакции в нескольких экземплярах.

В журнале напечатаны стихи молодых поэтов К. Строд, В. Бабанина, В. Холостова, А. Снесарева, В. Трубицына, С. Коноплевой и С. Успенского.

Кружок, руководимый поэтом Г. Салтыковым, провел в этом году большую работу. Каждую неделю собирались члены кружка, чтобы обсудить свои новые произведения. Г. Салтыков провел несколько бесед по технике стихосложения. Профессор Л. Тимофеев прочел лекции о значении образа в художественном произведении. Поэт Павел Антокольский пополнился кружковцами опытом своей работы над переводами с французского языка и языков народов СССР.

Сейчас в кружке работают 30 молодых и начинающих поэтов.

На днях состоялось обсуждение выпущенного кружком первого номера рукописного журнала. В обсуждении приняли участие тт. Б. Гросман, А. Евгеньев, А. Карпев, П. Панченко, Г. Саников, В. Шинлерович.

Выступившие отметили хорошее начинание инициативной группы кружка, выпустившей журнал. По мнению ряда творческих участников кружка могли бы быть уже сейчас напечатанными в толстых журналах.

Сейчас в кружке готовится к выходу второй номер журнала. Намечено устроить несколько творческих встреч участников кружка с мастерами советской поэзии.

СБОРНИК О СТАЛИНСКЕ

НОВОСИБИРСК. (Наш корр.) 20 июля самой молодой из городов Сибири — Стальнск, город сибирской металлургии, будет праздновать свое десятилетие. К юбилею выйдет из печати сборник отрывков о лучших людях Кузнецкого металлургического завода им. Стальнина, от индустриального города, выросшего на месте глубокой сибирской деревни, в предверии годовщины гор. Пории. Четвертая книга журнала «Сибирские огни» целиком посвящается Кузбассу и его гордости — Стальнину.

Один наш большой поэт получил из провинции стихи, добросовестно разобрал их и ответил автору. Потом он в течение трех лет каждый месяц получал от этого человека новую груду стихов. Молодой человек уже давно печатался, пронигнал поддержкой поэта, но все же продолжал обращаться к нему за советами. Наконец, он присыпал письмо: «Вы признаны поэтом и поэтому должны дать мне необходимое направление. Ведь вы сами сказали, что мои стихи не лишены дарования».

Излюбленное начало обращения литературных консультаций к начинающим авторам: «Вы взяли очень интересную, захватывающую и волнующую тему!» Этим выдается аванс автору. Система задабривания делает порой скверное дело.

ПОИСКИ АВТОРА

В одном старом юмористическом журнале напечатан рисунок: несколько лиговиков ходят с фонарями в руках, и все ищут человека. В этом положении получилась неожиданная острота. «Лигони» исполнили свое дело со скучными лицами профессионалов.

У нас не приходится искать нового автора с фонарами в руках.

Ежедневно поэта нашей страны везет огромное количество стихов, рассказов, отчетов писем с литературными советами.

Это, конечно, хорошо и свидетельствует о большой культурности страны.

Литературная помощь, как известно, у нас появилась в подлиннике и поэтическом обсуждении — Вернер Ингер, Ю. Верховский, А. Олсландер, М. Тарловский. Однако все высказавшиеся, приводя многочисленные примеры неудачной гибели, языковой небрежности, неправильных ударений и т. д., указали также, что труд переводчика еще далек от своего завершения.

Гостем декадника был прибывший из Москвы народный актёр Казахстана орденоносец Иса Байзаков.

Иса Байзаков под аккомпанемент домового оркестра исполнил песню «Жылжерме», выступив к написанной им поэме о Марине Расковой и ее славных подругах и импровизацию о Москве.

Участники декадника сердечно приветствовали Ису Байзакова.

С. И.

Это не был арап или пениксниматель. Но он был уверен, что его обязан кто-то всем жизнь вести за руку.

*

Мы часто прячемся за разговоры о ликвидации провинции в нашей стране. Принципиально нас нет, однако провинциализм в литературе есть, он заключается в подзумевании подражательства, оглыде, талмудизме, забурже неких новых правил «хорошего тона».

Сколько издается у нас серых газет, безрадостных сборников, которые никого не волнуют и не интересуют, и эта жажда делается по всем нужным канонам и штампам производства «изящного».

В провинции еще любят торжественные церемонии; сотни китайских поклонов считаются неотъемлемой частью хорошего обеда. Каждый областной альманах строится по неисписаному кодексу канонических правил. Сначала идут параллельные слова. Затем — определенное количество поклонов всем явлениям неба и земли; ярким звездам, желанным коням, ледяным искателям, суровым ветрам и пр. и т. п. При этом не забываются и местные областные и районные ведомственные светила; им отводится исключительная роль в поэзии, прозе и фотографиях. В конце-концов на настоящую литературу, содержащую хотя бы крупицы конкретной жизни, в скромных художественных образах остается немного места.

Каждому очевидна беспомощность автора и спекуляция издателей на близких каждого читателю патристических мотивах.

Проза альманахов в среднем несколько выше, но зато встречаются такие диалоги: «Это ты, мама? Как у тебя с семов...» Весь район, мама, наезд тишин... Дисциплины нет... Стахановское движение...» и пр. и т. д. Это — разговор дочери с матерью.

Что же делать с такими произведениями?

«Весь район, мама, наезд тишин...» Эти слова нужно было со всей необходиностью строго сказать куйбышевцам. В их литературном районе неблагодарчично. Они отстали, топчутся на месте.

По куйбышевцу встретили отзы в штыки. Стенограмма совещания прислана в союз писателей в знак протesta и возмущения. Критик, который осмелился отвергнуть их произведения, рассматривается как язвенный недоброжелатель, «С застенкой злобой в груди».

Руководитель совещания открывал прения такими якобы обективными словесами: «В рецензии, которую мы с вами будем читать, на которой мы должны будем высказаться, мы должны обратить внимание на все: на заостренность, политическую заостренность, мобилизационную заостренность, а также в смысле литературной грамотности наших работ». После трех необходиных «заостренностей» автор уделяет некоторое место литературному значению работ. «Нажало наша работа, говоришь, чому-либо читай: или читай вести борьбы с врагами народа, или мобилизуешь, наставляешь людей в патриотическом духе в случае нападения врагов, или ставишь хозяйствственные проблемы», — говорит далее автор.

Сделав такой «общий анализ» литературных задач, обективный издатель призывает «кузаковать рецензию», если он «неправильно подходит к какой-либо части того, что им освещается».

После такого призыва совещание усиленно взлохло за поисками того, к кому рецензент «неправильно подходит в части того, что освещается». Большинство ораторов отмечало с возмущением, что критик «не заметил», что он «проглядел». Он не замечает значительности «подиантных тем» и «обрисованных фигур». Он проглядел искры дарования, он кого-то и что-то «обрасывает со счетов». Говорилось о том, что рецензия «ничего не дает: никакого подробного разбора, никаких творческих указаний, никакого воспитания».

Между тем никому неизвестно, с каких пор и почему с каждым плохим или даже средним произведением нужно виться, тщательно извешивать его, пробовать на вкус, на запах, испытывать на гибкость и на растяжение.

До товарищей куйбышевцев, очевидно, еще не дошло, что критика — явление не директивное.

А впрочем, эта истина еще неясна многим товарищам и не только в Куйбышеве.

Сделав такой «общий анализ» литературных задач, обективный издатель призывает «кузаковать рецензию», если он «неправильно подходит к какой-либо части того, что им освещается».

После такого призыва совещание усиленно взлохло за поисками того, к кому рецензент «неправильно подходит в части того, что освещается». Большинство ораторов отмечало с возмущением, что критик «не заметил», что он «проглядел». Он не замечает значительности «подиантных тем» и «обрисованных фигур». Он проглядел искры дарования, он кого-то и что-то «обрасывает со счетов». Говорилось о том, что рецензия «ничего не дает: никакого подробного разбора, никаких творческих указаний, никакого воспитания».

Между тем никому неизвестно, с каких пор и почему с каждым плохим или даже средним произведением нужно виться, тщательно извешивать его, пробовать на вкус, на запах, испытывать на гибкость и на растяжение.

До товарищей куйбышевцев, очевидно, еще не дошло, что критика — явление не директивное.

А впрочем, эта истина еще неясна многим товарищам и не только в Куйбышеве.

В МЕСТО РЕЦЕНЗИИ

П. КОРНИЕНКО

Лишь тот, кто думает, что борьба с этикетками — легка, что она незаметно приведет нас к победе, лишь тот, кто себя и других ублаживает скажет о блестящем разрешении всех сложных вопросов по полноте коммунистической морали, лишь тот может относиться антикапиталистически к преобразованию наследия такого как демократия, как Ибсен, как Стальнин, как Кузбасс.

Именно так поступил Б. Розенштейн («Большой привал») из 26 апреля).

Морин называл ученого Ибсена «статьи о морали и моральном учением, и в этом все дело». Ибсен обвинялся в отрыве морали от политики, в неумении мораль переходить в политику. Эти упреки были обоснованы и необходимы в тот момент, когда буржуазия стремилась запутать сознание трудающихся, сбить их с пути революционной борьбы за власть, без овладения которой немыслимо было и перестроить мораль, «улучшение людей». Ибсен говорит: главное, чтобы человек был самим собой! Он правильно понял, скорее почувствовал, основную, важнейшую цель борьбы человечества за полноправное человечество, но не сумел связать этой огромной цели с конкретными, историческими обстоятельствами борьбы за нее. Вот каков смысл слов об отсутствии ответов на самим Ибсеном поставленные вопросами.

Уже победа пролетарской диктатуры в корне изменила взаимоотношения между политикой и моралью, между политической борьбой пролетариата и борьбой за перевоспитание человека. Мы имеем право сказать, что между политической борьбой и моральным воспитанием у нас нет противоречия. Поэтому отходит на второй план в творчестве Ибсена то, что он не умел «перевести в политику». Но он умел беспощадно, прямо, точно ставить «проклятые вопросы». В этом его особое значение в период уничтожения этих пережитков капитализма.

Нет смысла повторять то, что было уже сказано нашей критикой именно о новом в трактовке Ибсена. Это новое тем и интересно, что вскрывает глубокое содержание пьесы Ибсена. Раньше, даже школы из лучших намерений, пьесу трактовали с большой или меньшей, но всегда присутствующей дозой феминизма. Теперь же в условиях капитализма, создавших для женщин новых поводов для притеснения, пьесы Ибсена показывают прекрасную художественную интерпретацию глубокой постановки вопроса об истории тематики и значительности тематики и необходимости поддержки и давления на творческую деятельность.

Излюбленное начало обращения литературных консультаций к начинающим авторам: «Вы взяли очень интересную, захватывающую и волнующую тему!» Этим выдается аванс автору. Система задабривания делает порой скверное дело.

Излюбленное начало обращения литературных консультаций к начинающим авторам: «Вы взяли очень интересную, захватывающую и волнующую тему!» Этим выдается аванс автору. Система задабривания делает порой скверное дело.

Излюбленное начало обращения литературных консультаций к начинающим авторам: «Вы взяли очень интересную, захватывающую и волнующую тему!» Этим выдается аванс автору. Система задабривания делает порой скверное дело.

Излюбленное начало обращения литературных консультаций к начинающим авторам: «Вы взяли очень интересную, захватывающую и волнующую тему!» Этим выдается аванс автору. Система задабривания делает порой скверное дело.

Излюбленное начало обращения литературных консультаций к начинающим авторам: «Вы взяли очень интересную, захватывающую и волнующую тему!» Этим выдается аванс автору. Система задабривания делает порой скверное дело.

Излюбленное начало обращения литературных консультаций к начинающим авторам: «Вы взяли очень интересную, захватывающую и волнующую тему!» Этим выдается аванс автору. Система задабривания делает порой скверное дело.

Излюбленное начало обращения литературных консультаций к начинающим авторам: «Вы взяли очень интересную, захватывающую и волнующую тему!» Этим выдается аванс автору. Система задабривания делает порой скверное дело.

Излюбленное начало обращения литературных консультаций к начинающим авторам: «Вы взяли очень интересную, захватывающую и волнующую тему!» Этим выдается аванс автору. Система задабривания делает порой скверное дело.

Излюбленное начало обращения литературных консультаций к начинающим авторам: «Вы взяли очень интересную, захватывающую и волнующую тему!» Этим выдается аванс автору. Система задабривания делает порой скверное дело.

Излюбленное начало обращения литературных консультаций к начинающим авторам: «Вы взяли очень интересную, захватывающую и волнующую тему!» Этим выдается аванс автору. Система задабривания делает порой скверное дело.

Излюбленное начало обращения литературных консультаций к начинающим авторам: «Вы взяли очень интересную, захватывающую и волнующую тему!» Этим выдается аванс автору. Система задабривания делает порой скверное дело.

Излюбленное начало обращения литературных консультаций к начинающим авторам: «Вы взяли очень интересную, захватывающую и волнующую тему!» Этим выдается аванс автору. Система задабривания делает порой скверное дело.

Излюбленное начало обращения литературных консультаций к начинающим авторам: «Вы взяли очень интересную, захватывающую и волнующую тему!» Этим выдается аванс автору. Система задабривания делает порой скверное дело.

Излюбленное начало обращения литературных консультаций к начинающим авторам: «Вы взяли очень интересную, захватывающую и волнующую тему!» Этим выдается аванс автору. Система задабривания делает порой скверное дело.

Излюбленное начало обращения литературных консультаций к начинающим авторам

День поэта Ата Салиха

Дружно наступившая весна задержалась на время дождями, прошедшими в Примурье в первые дни апреля. Теперь погода установилась и подполье приносит жаркое солнце, но по обочинам дорог видны кое-где широкие озера воды. В степи утром пахнет чалычевским — степным кустом, угрожающим цветом и влажной землей, но прохожий после дождя.

В Туркмении посевная в разгаре. Колхоз «Ленинград», где живет Ата Салих, ради вымешивает на свои хлопковые поля.

Поэт в эти дни, как и все аульчане, рано выходит из дома. Сегодня в половине девятого его можно встретить в колхозной кузине. Ата Салих присел на лавку, радио послушало что-то из запасных частей в машинном. Ходжа Мурад, уже поклонил, багтырьского положения мужчина, любит побеседовать между дел со своим земляком шахром.

От кузини тракторинка ведет мимо челянки к садам и выходит в поле. При выходе из сада Ата Салих приветствует колхозный счетовод. Он сообщает новость: шестой бригада, руководимая комсомолкой Огуль Герек Исламовой, закончила сев. Ата Салих приятно поражен, даже он, шахир и великий знаток колхозных секретов, не ожидал такой оперативности от бригады Огуль Герек. Египетские карты шестой бригады, недалеко, путь туда — вдоль зарослей джунглей по землям других бригад, затем по тропике через зеленые поросли кумачиком арыки, — легкий, веселый путь.

В бригаде — приветствие, короткие беседы колхозников с поэтом. Поэт интересуется качеством сева и потом, по установленной традиции, колхозники просят его читать стихи.

Ата стоит в середине группы. Внятно и задумчиво он читает одно за другим замечательные стихотворения. Здесь короткие, метные произведения из цикла колхозных дистанций, стихи и песни о советских женщинах. В конце слушатели просят своего либимца прочесть известное его стихотворение «Хеммыма» («Нес мы»), посвященное героямским боям Хасана. И снова над полем «Ленинграда» звучит бодрый, взывавший голос народного певца, голос, прославляющий храбрость советских крызы-аскеров.

Немного спустя, поблагодарив аульчан за встречу и поспутав с комсомольской-бритадирой, шахир возвращается в аул. Обратный путь Ата рекомендует спутникам пройти по дороге. Там, говорит он, будут встречаться люди. И действительно, глядя на дорогу, можно подумать, что люди аулов побросали дома и поля, чтобы район вышел на тракт.

По страницам журналов

«Лисичкин хлеб»

В выходящем на-днях из печати № 5 журнале «Новый мир» печатается книга рассказов М. Принципи «Лисичкин хлеб». «Все эти рассказы, — заявляет автор в своем вступлении, — являются на свет в поисках идеального рассказа для детей. А идеальный рассказ я считаю одинаково интересным рассказом для всех поколений. В своих поисках я исходил не от русской сказки и не от Льва Толстого в его рассказах о природе. Близости к детям я достигла, стараясь рассказывать им не о чем-нибудь поучительном, о собственных своих играх взрослого человека».

Путь к созданию идеальной сказки М. Принципи характеризует следующими словами:

«Сказать все проще, мне хотелось бы рано или поздно достичь в своих рассказах прелести фольклора — задача не очень скромная, но, верю, возможная в своем разрешении».

В этом же номере «Нового мира» печатаются «Волк» Л. Леонова, окончание романа Н. Чертовой «Разрыв-трава» и Б. Вадецкого «Возвращение», рассказы о дальнем плавании Евгения Юрга «На-ше море», продолжение очерков А. Дермана о биографии А. П. Чехова.

«Новые слова»

В печатающемся сейчас № 4 «Красной нови» помещена интересная статья Л. Борового об эволюции нашего литературного языка «Новые слова». Автор показывает всю несостоенность отвлеченной насморка нашего литературного языка. На самом деле происходившая в годы революции бурная языковая революция привела к очищению от церковно-славянских и дальнейшей русификации русского языка.

«Несмотря на неумеренное и часто бесцельное применение иностранных слов вместо равнозначащих русских в газетах, книгах и в живой разговорной речи, — пишет Л. Боровой, — происходит именно дальнейшая русификация русского языка. Глубокий демократизм, ставший основным законом нашего общественного развития, вызывает повседневное стремление быть понятными, говорить по-русски, и поэтому даже наши неологизмы в подавляющем большинстве — не переводы и не новые позаимствования, а новые русские слова. (Например, ударник, отличник, избач, безотрывник, вузовка, обезличка, предельщик, облучение, право-властник, подкульщик, загибщик, лету, настроение и т. д. и т. п.)

Четвертый номер «Красной нови» открывается стихотворной повестью А. Бензименского «Петербургский кузек», в нем печатаются окончание романа М. Левидова «Путешествие Джонатана Свифта», рассказы В. Котекинова, Л. Славина, Б. Лапина и Н. Атарова, статья Д. Бергelsona о творчестве Шолом-Алейхема в воспоминания о нем В. Чаговца. В критическом отделе начальную работу раздела Б. Ермилова «Горький и Достоевский».

Литературная газета

№ 28

По советской стране

БЕЛОРУССИЯ

В Доме Красной Армии им. Воронцова в Минске огромным успехом пользуется выставка «А. М. Горький», которую за месяц посетило свыше 13000 рабочих, студентов, школьников, бойцов, комсомольцев.

Библиотека Дома организует три передвижные выставки: «Пушкин», «Горький» и «Николай Островский».

ГРУЗИЯ

В издании «Сахалтам» выпущен сборник стихов и эпидемий поэта А. Машаниши и сборник стихов рабочего-поэта Г. Хечавши. Обе книги поступили в продажу.

КАЗАХСТАН

Казгослитиздат готовит к печати на русском языке однотомник избранных произведений Джалыбала, в котором впервые будет опубликована поэма «Суранчи батыр». В однотомнике будут помещены лучшие поэмы акына — «Моя родина», «Вооруженный народ», «Поэма о Воронцове».

Одновременно издательство готовит академическое издание произведений акына на казахском и русском языках.

ОСЕТИЯ

В связи с 50-летием со дня рождения основоположника осетинской литературы Косты Хетагурова, исполняющегося в октябре 1939 г., создан юбилейный комитет. На предприятиях, в вузах и колхозах Осетии проводятся беседы о писателе. В Орджоникидзе К. Хетагурову будет установлен памятник. Впервые на русском языке готовится издание сборника стихов «Осетинская лира», конфискованного в свое время царской цензурой.

— К 15-летию Туркменской республики, — говорит поэт, — который будет праздноваться в конце этого года, я собираюсь сдать поэму о счастливом везении, о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— В этом произведении, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.

День клонится к вечеру. В доме в поэту приходят соседи и товарищи. Здесь две хлопкоробки, учитель истории из местной школы, кузин Ходжа Мурад. Вот еще кто-то подходит к дверям дома. Это председатель колхоза «Ленинград». Он привозит поэму о счастливом везении, о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит поэт, — я собираюсь сдать поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.

День клонится к вечеру. В доме в поэту приходят соседи и товарищи. Здесь две хлопкоробки, учитель истории из местной школы, кузин Ходжа Мурад. Вот еще кто-то подходит к дверям дома. Это председатель колхоза «Ленинград». Он привозит поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит поэт, — я собираюсь сдать поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.

День клонится к вечеру. В доме в поэту приходят соседи и товарищи. Здесь две хлопкоробки, учитель истории из местной школы, кузин Ходжа Мурад. Вот еще кто-то подходит к дверям дома. Это председатель колхоза «Ленинград». Он привозит поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит поэт, — я собираюсь сдать поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.

День клонится к вечеру. В доме в поэту приходят соседи и товарищи. Здесь две хлопкоробки, учитель истории из местной школы, кузин Ходжа Мурад. Вот еще кто-то подходит к дверям дома. Это председатель колхоза «Ленинград». Он привозит поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит поэт, — я собираюсь сдать поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.

День клонится к вечеру. В доме в поэту приходят соседи и товарищи. Здесь две хлопкоробки, учитель истории из местной школы, кузин Ходжа Мурад. Вот еще кто-то подходит к дверям дома. Это председатель колхоза «Ленинград». Он привозит поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит поэт, — я собираюсь сдать поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.

День клонится к вечеру. В доме в поэту приходят соседи и товарищи. Здесь две хлопкоробки, учитель истории из местной школы, кузин Ходжа Мурад. Вот еще кто-то подходит к дверям дома. Это председатель колхоза «Ленинград». Он привозит поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит поэт, — я собираюсь сдать поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.

День клонится к вечеру. В доме в поэту приходят соседи и товарищи. Здесь две хлопкоробки, учитель истории из местной школы, кузин Ходжа Мурад. Вот еще кто-то подходит к дверям дома. Это председатель колхоза «Ленинград». Он привозит поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит поэт, — я собираюсь сдать поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.

День клонится к вечеру. В доме в поэту приходят соседи и товарищи. Здесь две хлопкоробки, учитель истории из местной школы, кузин Ходжа Мурад. Вот еще кто-то подходит к дверям дома. Это председатель колхоза «Ленинград». Он привозит поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит поэт, — я собираюсь сдать поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.

День клонится к вечеру. В доме в поэту приходят соседи и товарищи. Здесь две хлопкоробки, учитель истории из местной школы, кузин Ходжа Мурад. Вот еще кто-то подходит к дверям дома. Это председатель колхоза «Ленинград». Он привозит поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит поэт, — я собираюсь сдать поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.

День клонится к вечеру. В доме в поэту приходят соседи и товарищи. Здесь две хлопкоробки, учитель истории из местной школы, кузин Ходжа Мурад. Вот еще кто-то подходит к дверям дома. Это председатель колхоза «Ленинград». Он привозит поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит поэт, — я собираюсь сдать поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.

День клонится к вечеру. В доме в поэту приходят соседи и товарищи. Здесь две хлопкоробки, учитель истории из местной школы, кузин Ходжа Мурад. Вот еще кто-то подходит к дверям дома. Это председатель колхоза «Ленинград». Он привозит поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит поэт, — я собираюсь сдать поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.

День клонится к вечеру. В доме в поэту приходят соседи и товарищи. Здесь две хлопкоробки, учитель истории из местной школы, кузин Ходжа Мурад. Вот еще кто-то подходит к дверям дома. Это председатель колхоза «Ленинград». Он привозит поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит поэт, — я собираюсь сдать поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.

День клонится к вечеру. В доме в поэту приходят соседи и товарищи. Здесь две хлопкоробки, учитель истории из местной школы, кузин Ходжа Мурад. Вот еще кто-то подходит к дверям дома. Это председатель колхоза «Ленинград». Он привозит поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит поэт, — я собираюсь сдать поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.

День клонится к вечеру. В доме в поэту приходят соседи и товарищи. Здесь две хлопкоробки, учитель истории из местной школы, кузин Ходжа Мурад. Вот еще кто-то подходит к дверям дома. Это председатель колхоза «Ленинград». Он привозит поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит поэт, — я собираюсь сдать поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.

День клонится к вечеру. В доме в поэту приходят соседи и товарищи. Здесь две хлопкоробки, учитель истории из местной школы, кузин Ходжа Мурад. Вот еще кто-то подходит к дверям дома. Это председатель колхоза «Ленинград». Он привозит поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит поэт, — я собираюсь сдать поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.

День клонится к вечеру. В доме в поэту приходят соседи и товарищи. Здесь две хлопкоробки, учитель истории из местной школы, кузин Ходжа Мурад. Вот еще кто-то подходит к дверям дома. Это председатель колхоза «Ленинград». Он привозит поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит поэт, — я собираюсь сдать поэму о людях, которых судьба привела в великую столицу.

— Ата, — говорит Ата, — я намерен показать отчасти и старый феодальный Туркменстан.